

**Keywords:** intellectual paradigm, epistemological minimum, the game of structure.

УДК 821.161.1–3

**Комаров С. А.**,  
кандидат филологических наук,  
ГВУЗ “Донбасский государственный  
педагогический университет”  
(Славянск)

## **МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РУССКОГО ФЕЛЬЕТОНА 1920-х – НАЧАЛА 1930-х ГОДОВ**

Русская литература метрополии 1920-х годов представляет собой сложное, разнообразное и самобытное явление. Расцвета достигает сатирико-юмористическая проза и поэзия. Данную тенденцию можно объяснить изменениями в общественно-политической и экономической жизни страны, необходимостью, насколько позволяла ситуация относительной свободы, объективного изучения настоящего. Советский исследователь литературы этого периода Л. Ф. Ершов высказал мнение, что тогда “совпали... эволюция массового читателя и рост писательского мастерства” [6, 133], подкрепив свои слова высказыванием В. Г. Белинского о доступности не для каждого читателя комизма, юмора, иронии: “Всякому легче понять идею, прямо и положительно выговариваемую, нежели идею, которая заключает в себе смысл, противоположный тому, который выражают слова ее... Чтoб понимать комическое, надо стоять на высокой степени образованности” [3, 363]. Если отбросить идеологическую составляющую комментария Ершова к мыслям Белинского (“С особой злободневностью зазвучали слова Белинского о том, что комедия – плод высокоразвитой общественности” [6, 133]), то с ним вполне можно согласиться, трактуя интерес читающей публики к произведениям юмора и сатиры повышающимся уровнем образования в стране.

Значительное место в жанровой палитре литературы 20-х занимает фельетон. Практически все исследователи фельетонного жанра обращают внимание на три элемента его поэтики: публицистический, художественный и сатирический. Безусловно, справедлива точка зрения о том, что в фельетоне комбинируются публицистическое и художественное начала. Данное мнение стало основой отнесения его к жанрам “художественной публицистики” [2; 7]. На наш взгляд, более спорна констатация фельетона как жанра сугубо сатирического. Здесь уместней говорить о функционировании более широкого понятия – “комическое”, одним из проявлений которого и является сатира. В первой половине 1920-х годов большинство фельетонов, основанных на конкретных фактах, тяготели к репортажу, производственному очерку, корреспонденции. Но эмоциональность, “игра с заглавием”, склонность к иллюстрации анекдотом, сюжетная выразительность повествования становились типичными характеристиками фельетонного жанра. Помимо так называемого “публицистического фельетона”, наиболее весомый вклад в развитие которого внес М. Кольцов, в сатире 1920-х годов большое значение имел и основанный на

фактах обобщенных, до определенной степени абстрагированных от конкретного случая, беллетризованный фельетон [5; 18]. Эту фельетонную разновидность представляют произведения М. Булгакова, И. Ильфа и Е. Петрова, В. Катаева, М. Зощенко и многих других.

“Срединное”, “пограничное” положение фельетона в системе жанров во многом является одной из причин постоянного обращения литературоведов к его изучению, обуславливает актуальность его исследования. В работах советских ученых теория и история фельетона неоднократно становились объектом изучения. Достаточно назвать имена Е. И. Журбиной [7], Л. Ф. Ершова [5; 6], Б. В. Стрельцова [18], уделивших значительное внимание рассмотрению вопроса. Многие положения их книг, оценки творчества тех или иных фельетонистов требуют корректировки и пересмотра, часто ввиду их политической тенденциозности. В постсоветской науке фельетонистика 1920-х годов также находит отражение. Например, российские ученые М. С. Кривошейкина [14], Ю. Н. Толутанова [19] сосредоточились на анализе фельетонов М. Булгакова, М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова, рассматривая их как образцы сугубо публицистики (обе диссертации защищены по специальности “Журналистика”). Собственно литературоведческой интерпретации русской фельетонистики 1920-х годов в свете современных представлений, тем более в аспекте целостности, на данный момент не существует. Целью предлагаемой статьи является намерение до некоторой степени восполнить пробел, затронув, на материале произведений выдающихся фельетонистов, лишь одну сторону широкого проблемного слоя русского фельетона указанного периода.

Круг вопросов, которые поднимали в своих работах фельетонисты 20-х довольно обширен: политическая и экономическая жизнь страны, мещанство и обывательщина (грубость нравов в столице и провинции, косные отношения в повседневной жизни, духовная ограниченность и невежество как простых людей, так и облеченных властью), недочеты в сфере обслуживания, плачевное состояние образования и культуры, вопросы литературы и искусства (кино, театр, музыка), все более утверждающийся диктат чиновничества разных рангов и мастей, бюрократизм. Фельетон характеризуется свойством типизации, обобщения единичных фактов, событий, картин, жизненных явлений. М. Кольцов в одной из статей о писательской и журналистской деятельности описывает процесс создания фельетона следующим образом: “Круг “возбудителей” фельетона безбрежен и со стороны социальной значимости фактов, и со стороны их сюжетно-формальных признаков... Момент встречи общественно-политического смысла факта с найденной для него литературной формой... – это и есть ...образование “фельетонной искры”, после которой остается только техническое осуществление вещей” [13, 17–18]. Действительно объект изображения чрезвычайно важен для автора фельетона, и каждый факт, отражаемый им, связан с общественным аспектом жизни человека. А реализация гражданских функций индивидуума, в свою очередь, тесно связана с личностными его свойствами. Поэтому, лица, действующие в определенной ситуации,

описанной в фельетоне, демонстрируют, в большей или меньшей степени, свою моральную позицию.

Наверное, наиболее показательно этические вопросы освещаются фельетонистами 1920-х годов в произведениях, посвященных проблеме мещанства, актуализировавшейся в советском обществе в эпоху Новой экономической политики. М. М. Зощенко разносторонне представил данное явление не только в рассказах и повестях, но и в фельетонах. Так, среди наиболее ярких зощенковских фельетонов, в которых выведены различные типы обывателей, назовем “Протокол” (1923), “Самодеятели” (1925), “Доходная статья” (1925), “Сельская идиллия” (1925), “Мещанство” (1925), “Герой” (1925), “Чудный отдых” (1925), “Опасная пьеска” (1925), “Юрист из провинции” (1926), “Засыпались” (1926), “Горько” (1929). Жизнь героев этих произведений наполнена склоками, пьянством, бесцельным времяпрепровождением за игральным столом или в кабаре и ресторанах. Некоторые всегда готовы обмануть ближнего, утащить то, что “плохо лежит”, а большинство – просто равнодушны к заботам другого человека, родственника или соседа по квартире. Ироническими терминами “уважаемые граждане”, “дефективные люди”, “нервные люди” Зощенко обозначал мещан, постоянно демонстрирующих свою приземленную, подчас хамскую, натуру, ограниченность интересов и заурядную житейскую глупость. В некоторых фельетонах сатирик, не приводя никаких имен, но давая обобщенную характеристику, подчеркивает безликость своих персонажей. Например, в “Протоколе”, описывающем “случай в транспорте”, действуют “человек с мешком”, “тетка”, “потерпевший”, “свидетели” [8]. Автор показывает здесь, что таких людей, склонных к разбирательствам и скандалам на пустом месте, в пореволюционном обществе великое множество.

Обывательщина как внутренняя сущность человека выступает объектом критики в фельетоне “Мемуары старого капельдинера” (1923). Персонаж, обозначенный в названии, оценивает выдающихся деятелей искусства – в частности, Ф. Шаляпина и А. Глазунова – не за их талант и профессиональные качества, а за определенные внешние характеристики. Фраза “А Вагнера я не люблю. Непонятный композитор. Много чересчур в барабан бьют, а толку нету” [8, 123] красноречиво раскрывает духовную и эстетическую ограниченность этого “служителя искусства”, который “не чужд культурного просвещения”.

Зощенко-фельетониста удручает моральное падение советского человека, готового к унижению ради выгоды. Например, герои фельетона “Четверо” (1922) катают на своих спинах архимандрита, чтобы тот отслужил для них молебен; а персонаж из “Юбилея” (1923) выпускает поздравительную книгу с застольными песнями к дню рождения своего начальника. В “Приятной встрече” (1923) частный предприниматель принимает бритого гражданина в кожаной фуражке, с которым ехал в одном купе, за партийного и начинает перед ним пресмыкаться. В фельетоне “Графология” (1924) автор, рассуждая о заграничной моде – приглашать на службу графологов, представляет, как бы они работали в советских канцеляриях, и приходит к выводу, что они жили бы в

постоянном страхе: а вдруг критика обернется против них самих. Такие опасения заставили бы графологов писать только хвалебные отзывы, ни о какой объективности не могло быть и речи [8]. Так Зоценко высмеивает подхалимство “маленького человека” перед представителями власти.

Значительная часть фельетонного наследия М. А. Булгакова также посвящена феномену советского мещанства. Писателю явно претит сытость “нுவоришей, всплывших на поверхность жизни в эпоху нэпа” [15, 410]. Подобное восприятие обывательщины прослеживается в фельетонах “По телефону” (1924), “Звуки польки неземной” (1924) и др. Как непрменный атрибут пресыщенности выступает хамство и грубость (“Целитель” (1925)), невежество и беспардонность (“Собачья жизнь”(1924)). Конкретные носители этих качеств показаны автором во всей их неприглядности. В частности, поступки героев “Москвы 20-х годов” (1924) и “Бурнаковского племянника” (1924) направлены на то, чтобы “сделать невозможным жизнь в любой квартире” всем соседям [4, 250]. Колоритны персонажи фельетона “Золотые документы” (1924): брандмейстер Пожаров чересчур ретиво относится к служебным обязанностям, безосновательно лишает железнодорожников отопления, думая вроде бы о противопожарной безопасности, а на самом деле – заботясь только о том, чтобы показать свою власть и пренебрежение к проблемам других людей; трактирщик подает прошение об открытии “пивной-чайной”; некто Гаврюшкин, “известный неразвитием” [4, 222], на “октябринах” новорожденных предлагает дать одному из них имя “Крокодил” (по названию журнала), ребенок, по совпадению (он, как выяснилось позже, был болен), тут же умирает, “темные бабы”, восприняв это как дурной знак, разгромили клуб и чуть не убили “виновника”.

В цикле фельетонов “Столица в блокноте” (1922–1923) Булгаков, выражая чувство радости в картинах возрождающейся после Гражданской войны Москвы, в то же время отвергает мысль, “что золотой век уже наступил” [4, 76]. “Боюсь, что мысль моя покажется дикой и непонятной утонченным европейцам, а то я сказал бы, что с момента изгнания семечек для меня непреложной станет вера в электрификацию поезда (150 километров в час), всеобщую грамотность и проч., что уже, несомненно, означает рай” [4, 77], – вполне серьезно описывает публицист собственное представление об идеале, апеллируя к читательской публике на Западе (цикл выходил в берлинской газете “Накануне”). Семечки для интеллигента Булгакова символизируют дух обывательщины, мешающий развитию цивилизации и духовности, “мерзость, которая угрожает утопить нас в своей слюнявой шелухе” [4, 77].

В булгаковском фельетоне “Сорок сороков” (1923) проблема обывательщины, постепенно проникающей во все аспекты московской жизни, является основной. Фельетон структурирован в виде четырех “панорам”, которые наблюдает рассказчик в столице. Первые три – ретроспективны (посвящены впечатлениям Булгакова с самого первого дня его пребывания в Москве до лета 1922 года), четвертая описывает настоящее. Автор отмечает особенную жизненную цепкость приобретателей, надеявшихся на первых порах

“пересидеть большевиков”. “Все буржуи заперлись на дверные цепочки и через щель высовывали липовые мандаты и удостоверения. Закутавшись в мандаты, как в простыни, они великолепно пережили голод, холод, нашествие “чижиков”, трудгужналог и т. под. напасти. Сердца их стали черствы...” [4, 80–81], – пишет он в “Панораме первой: голые времена”. Уже весной 1922-го (“Панорама вторая: сверху вниз”) нэпманы не скрываются, все больше выставляют напоказ свои преимущества. Рассказчик даже испытывает “страх” и “дрожь” при мысли, что они заполняют город, называет их “сильными, зубастыми, злобными, с каменными сердцами” [4, 82]. А в июле того же года, описанном в “Панораме третьей: на полный ход”, советские нувориши становятся настоящими хозяевами жизни. Здесь дается жанровая сценка, изображающая развлечения, которым они предаются. Сатирик подчеркивает безвкусную роскошь их времяпрепровождения и моральную низость.

Довольно часто в фельетонах Булгаков обращается к изображению пьянства, которое, по его мнению, не дает русскому народу вырваться из ямы безграмотности, безнравственности и бескультурья. Например, в фельетоне “Коллекция гнилых фактов” (1925) на благотворительном аукционе МОПРа пьяным оказывается все присутствующее руководство поголовно: председатель правления, члены различных комиссий, завклубом. После устроенного одним из них “дебоша” возмущенные рабочие вывели пьяниц из клуба. День выдачи зарплаты становится днем “величайшего торжества, а равно и величайшей горести всех жен и детей”, так как заканчивается повальным пьянством. Оно становится главной причиной насилия, без которого не обходится употребление спиртных напитков – “Работа достигает 30 градусов” (1925). А в фельетоне “По поводу битья жен” (1925) автор рисует гиперболизированную картину быстрого продвижения по служебной лестнице одного “семьянина”. Местком постоянно продвигал его, чтобы повысить зарплату – это, якобы, могло избавить его от привычки избивать жену, постоянно провоцирующей того на драку своими жалобами на безденежье. Заключает фельетон авторское резюме: “Бьют жен вовсе не от необеспеченности. Бьют от темноты, от дикости и от алкоголизма” [4, 417]. Этот, как некоторые другие фельетоны Булгакова, можно рассматривать как попытку автора разобраться в причинах фактически не меняющегося, несмотря на глобальные общественно-политические преобразования, положения простого народа. Писатель имел собственное мнение о советской действительности, отличающееся от многих советских публицистов 20-х годов, видевших свой идеал в концепции социалистического государства. Н. Степанов считает, что Булгаков оценивал то или иное общественное явление “с точки зрения общечеловеческих нравственных ценностей и традиционных национальных интересов” [17, 51].

Своего рода “профессиональная” тематика, т.е. изображение деятельности журналиста и рабкора, становится еще одним путем раскрытия морально-этических проблем общества в фельетонистике 20-х. В качестве иллюстрации остановимся на фельетонах В. П. Катаева. В “Искусстве опровержений” (1926)

и “Тусклой личности” (1926) через акцентуацию общественных и человеческих недостатков (бюрократизм и обывательские нравы) автор вскрывает низменную нравственную сущность своих персонажей. Первый из указанных фельетонов представляет собой своеобразное “руководство” по написанию опровержений конкретных фактов, изложенных в разоблачительных заметках и фельетонах “с адресом”. Эти “опровержения” составлены как раз так, что они и подчеркивают вину “лица”, которого изобразил журналист, выпячивают его “обывательское нутро”, отражают злоупотребления, которые позволяет себе чиновник и т.д. В “Тусклой личности” Катаев, отталкиваясь от описания будничной работы редакции газеты “Гудок” (“Рабкоры приносили заметки, рассерженные “опровергатели” стучали кулаками по редакционным столам, почтальоны несли со всех концов СССР почту, курьеры летели в типографию со срочным материалом” [1, 180]), рисует тип “чистой воды, стопроцентного, старого, выдержанного советского бюрократа-с”, который сам явился в газету, чтобы “по знакомству” “на первой страничке напечататься” [1, 183]. Он всячески восхваляет свою бюрократическую службу, описывая всевозможные проволочки, формализм, факты пренебрежения к заботам других людей. Но фельетонист отказывает надоедливому посетителю в его требовании поместить его случай на первую страницу издания и посылает его в редакцию четвертой полосы – масштаб, все-таки, мелковат, по сравнению с “первейшим из всех бюрократов Второго Интернационала” Макдональдом этот “тусклый посетитель”, по словам журналиста, “пережиток, мразь... ничтожный бюрократический щенок” [1, 184]. Так он и уходит, бросая фельетонисту напоследок обвинение в бюрократизме. Духовная ограниченность и чванство – таковы основные моральные характеристики многих работников газетно-журнальной прессы, по мнению Катаева.

М. Е. Кольцов, выдающийся советский журналист 1920–30-х годов, также не обошел своим вниманием вопрос о ситуации с нравственностью в новом обществе. Фельетоны этого автора чаще всего идентифицируют как “публицистические” из-за высокой степени “фактографичности”, прямой критики негативных социальных явлений и минимального использования художественных средств. Остановимся на двух кольцовских фельетонах, ярко отражающих проблему морали. В фельетоне “В самоварном чаду” (1926) автором исследуется “феномен” хулиганства. Начало этого произведения кажется абсолютно не связанным с основной темой: “Богат наш русский язык. Сочен. Говорят, нет ему равного по богатству образов, по неисчислимости словесных оттенков для каждого понятия, для каждого тончайшего изгиба мысли” [12, 178]. Лишь постепенно выясняется логика фельетониста – он посмеивается над тем, что бывают ситуации, когда не скажешь “он ударил его по лицу”, просится совсем другое: “Ударил по морде... Дал в морду... Съездил по морде... По роже... В рыло” [12, 178]. И далее он переходит на серьезный тон, констатирует, что, воздвигая “высокие сваи новых дворцов коммунистического общества”, “сидим иногда по уши в бытовой грязи, почитая за нечто привычное неуважение к человеку, к его достоинству, к его облику, даже к его лицу, в котором мы видим

только морду” [12, 179]. Так Кольцов посредством идеологической патетики утверждает важность моральных ценностей.

Фельетон “Медвежья услуга” (1926) посвящен проблеме подхалимства перед вышестоящими. Автор называет эту черту чиновника “сложной, тонкой, нежной наукой”, теория которой “совсем не разработана”: “Практика угождения робко и слепо продвигается вперед, вне всяких законов, вкривь и вкось... Учебники нужны! Книги, многие томы!” [12, 175]. За таким вступлением следует сатирическая зарисовка в виде телефонного диалога редактора газеты Угождаева и председателя губисполкома Гвоздила. “...должен вам ...сказать прямо, откровенно, как партиец партийцу ...вас ...надо расстрелять ...за то, что вы не пишете нам статей в газету ежедневно. Такой талант в вас пропадает” [12, 175], – обращается низший по положению чиновник к руководителю области и далее продолжает воспевать дифирамбы стилю публикации Гвоздила, сравнивая его А. Грибоедовым, А. Франсом и Б. Пильняком. В ответ на подобную лесть тот называет Угождаева правдивым, искренним человеком, режущим “правду-матку в глаза”, к тому же хорошо разбирающимся в людях. Для большего сатирического эффекта фельетонист вводит в текст, повествующий о житейских, приземленных явлениях советской реальности, элементы высокого стиля.

Основным критерием оценки человеческой личности для И. А. Ильфа и Е. П. Петрова являлись высокие моральные качества, среди них: достоинство, гуманность, забота о ближнем, принципиальность. Их отсутствие становится объектом запелляционной критики в фельетонах сатириков, написанных как совместно, так и по отдельности. Одна из главных тем ранней фельетонистики Ильфа – грубость, дикость нравов, обывательщина. Гражданская война обнажила эти явления в теперь уже советском обществе. По замечанию Я. С. Лурье, “нормальные рыночные взаимоотношения деревни с городом были нарушены, горожане ездили за продовольствием в деревню, разоренные крестьяне переселялись в города. Всегда существовавшие в России смешанные полугородские, полудеревенские слои, минимально затронутые городской культурой, вышли на поверхность, заняли видное место в городской жизни и в административном аппарате” [16, 33]. Илья Ильф нещадно высмеивает мещанский быт в таких фельетонах, как “Принцметалл” (1923), “Муж-общественник” (1923), “Вечер в милиции” (1923), “Дом с кренделями” (1924), “Красные романсы” (1927), “Молодые дамы” (1928). В некоторых из них сатирик создал обобщенные типы обывателей. В частности, в написанном уже после “Двенадцати стульев” фельетоне “Молодые дамы” возникает образ безымянной “гурии”, все свои силы и выпрошенные у мужа деньги употребляющей на покупку предметов “элегантного обмундирования”. Здесь очевидна переключка с образом Элочки-людоедки из знаменитого романа. Внутреннее родство двух образов проявляется не только в стремлении героинь копировать светскую жизнь. Автор фельетона обрисовывает тип мещанки со всеми ее атрибутами:

преклонением перед иностранным, умственной и духовной ограниченностью, стремлением нарядно и пышно одеваться, жестокостью, лживостью [9].

А в фельетоне “Красные романсы” выведен тип “сов-пошляка”: это и мастера по придумыванию броских названий и лозунгов для различных товаров широкого потребления (например, “электрические пояса молодости под названием “Афродита, или Борьба с бюрократизмом” или игра “Мировая революция”” [9, 289]), и современные поэты, сочиняющие стихи и романсы, в которых соединяется “поэзия чувств” и различные идеи советской власти, и организаторы культурно-массовых мероприятий – “советских сатурналий для трудящихся обоого пола” [9, 290]. Ильф иронически замечает, что такие “личности” приемлют революцию, “делают из нее игрушку, вещь исключительно для домашнего употребления” [3, 290]. С проблемой хамства в повседневной жизни связан и фельетон “Многие частные люди и пассажиры...” (1923). Отталкиваясь от наблюдения о том, что кондукторы на железнодорожном транспорте, как правило, очень грубы, один “поседелый” кондуктор пытается оправдать свою братию нервной работой и рассказывает, как на одном из собраний было решено бороться против употребления “ругательных слов”. Кондукторы дают “культурно-просветительную клятву биться без пощады, пока безобразные слова не переведутся” [9, 296], то есть бить каждого, кто заругается. В итоге дело обернулось повальным мордобоем, зато, резюмирует рассказчик, теперь никто не сквернословит.

Иронически обыгранный в этом фельетоне вопрос борьбы против грубости нравов находит свое воплощение в ряде ильфовских произведений об издержках культурно-просветительской работы, получившей довольно широкое распространение в государстве в 1920-е годы. Ильф рассматривает проблему культурной работы среди населения в разных аспектах. В фельетонах “Нарсудья – победитель факиров” (1928), и “Источник веселья” (1928), “Город Владимир” (1929), “Величие хаоса” (1929) изображаются лекторы, играющие на низменных страстях неграмотных слушателей, шарлатаны, стремящиеся как можно больше заработать на стремлении простых людей узнать тайны мироздания, природных явлений и человека. “Дело проф. Мошина” (1926), “Садовая культура” (1927) и “Клеопатра в Армавире” (1929) акцентируют отсутствие у чиновников от просвещения даже желания организации культурных мероприятий, а также – низкий уровень образованности людей, отвечающих за эту работу [9; 10]. В этих и некоторых других фельетонах Ильф иронично констатирует наличие двойных стандартов в жизни советского человека.

Исследователь Ю. Н. Толутанова, рассматривая творчество Зощенко, Ильфа и Петрова, акцентирует гуманизм сатириков – на многие проблемы они смотрели с точки зрения простого человека, “их волновало равнодушное отношение к людям, имевшее многообразные проявления” [19, 136], – замечание действительно справедливое. Фельетоны Е. Петрова, раскрывая разнообразные недочеты в работе той или иной хозяйственной сферы (железная дорога, жилищный сектор, почтовая и телеграфная связь, торговля,

образование, администрирование заводов и фабрик), подчеркивают, что корнем всех зол в новом государстве как раз и является равнодушие, сторонняя по отношению к отдельному человеку позиция.

Так, в фельетоне “Неприятность” (1926) показывается деятельность так называемых “бирж труда”, основное назначение которых вроде бы само собой разумеющееся – обеспечение безработных рабочими местами. На деле, эти организации только регистрируют обратившихся, ничего им не предлагая. Или: в фельетонах “Без человеческих жертв” (1926) и “Итак, снова о почте” (1927) Петров выражает свое негодование по поводу безответственности работников почты, не вовремя доставляющих срочную корреспонденцию и “забывающих” о целых комплектах газет и журналов, пылящихся на складе, вместо того чтобы быть полученными подписчиками. Фельетон “А зачем дом поджигали?” (1925) повествует о чиновнике, выказавшем пренебрежение к заботам нескольких семей, оставшихся без крыши над головой из-за пожара. Отремонтированный дом, по распоряжению этого “ответственного лица”, был сдан в аренду другим квартиросъемщикам [10].

В совместной фельетонной деятельности начала 1930-х годов И. Ильф и Е. Петров особенно сосредоточены на раскрытии морально-этической проблематики. Они развивают мысль о равнодушии как корне всех социальных зол, показывая не только наплевательское отношение советского гражданина к делу и человеку (фельетоны “Детей надо любить” (1932), “Равнодушие” (1932), “Директивный бантик” (1934), “Костяная нога” (1934), “Безмятежная тумба” (1934)), но и другие моральные категории, обуславливающие его жизненную и социальную позицию: трусость (“Титаническая работа” (1930)), хамство (“Человек с гусем” (1933)), высокомерие (“Халатное отношение к желудку” (1931)), эгоизм (“И снова ахнула общественность” (1931)) и т.д.

В основу фельетона “Равнодушие” положены разнородные факты. Люди разного возраста и рода занятий отказываются помочь роженице; беззаботные артельщики снабжают магазины заведомо бракованной продукцией; книготорговые работники наводняют город исключительно медицинскими книгами “с сумрачным изложением основ гистологии” [11, 715]. Авторы устанавливают, что столь непохожие явления состоят в глубоком родстве, за их спиной прячется одна и та же фигура: “Это ...человек из ведомости, безразличный ко всему на свете, пугающийся даже при мысли о том, что можно потратить пол-литра казенного бензина, чтобы спасти женщину, рожаящую на улице. Его кислая одышка слышится рядом с молодым дыханием людей, строящих мир заново” [11, 715–716]. Примечательно, что выведенный в фельетоне тип “равнодушного” человека под свое отношение к согражданам подводит идеологическую базу. “Это все мелочи – замочки, детки, всякая ерунда. Надо смотреть шире, глубже, дальше, принципиальнее. Я люблю класс, весь класс в целом, а не каждого его представителя в отдельности. Интересы отдельных единиц не поколеблют весов истории” [11, 716], – вкладывают авторы в уста своего героя несколько интерпретированную марксистскую формулу.

Безусловно, таким способом сатириками критикуется приверженность догме, типичную для человека, занимающего даже незначительную должность.

Подводя итог, отметим разноплановость морально-этических категорий, ставших предметом отражения в фельетонистике 1920-х – начала 1930-х годов. Писатели раскрывают вопросы нравственного падения человека – М. Зощенко и М. Булгаков подробно изучают феномен мещанства и обывательщины, актуализировавшийся в эпоху НЭПа, размышляют о пьянстве как свойстве русского характера. В фельетонах В. Катаева изображается духовная ограниченность и высокомерие работников газетно-журнальной прессы. М. Кольцов, с одной стороны, акцентирует проблему хулиганства, с другой – критикует подхалимство, укоренившееся в советском обществе. И. Ильф и Е. Петров рисуют картины мещанского быта, подвергают глубокому анализу вопрос о равнодушии как первопричине многих социальных проблем. Вне нашего внимания в данной статье остался стихотворный фельетон 1920-х годов. Его наиболее значительные авторы (В. Маяковский, Зубило (Ю. Олеша), Д. Бедный, В. Лебедев-Кумач) также обращались к теме забвения нравственных ценностей своими соотечественниками. В этом состоит перспектива разработки проблемы.

#### Литература

1. Антология сатиры и юмора России XX века / В. Катаев. – М. : Эксмо, 2008. – Т. 54. – 864 с.
2. Барштейн А. И. Некоторые проблемы развития журнальной сатиры 1920-х годов : автореф. дисс. ... к. филол. н. : 10.01.02 "Русская литература" / А. И. Барштейн. – М., 1972. – 18 с.
3. Белинский В. Г. Собрание сочинений : [в 9-ти т.]. / В. Г. Белинский. – М. : Худ. литература, 1976–1982. – Т. 8. – 576 с.
4. Булгаков М. А. Собрание сочинений : [в 5-ти т.]. / М. А. Булгаков. – М. : Литература ; Престиж книга, 2005. – Т. 5 : рассказы и фельетоны. – 560 с.
5. Ершов Л. Ф. Из истории советской сатиры : М. Зощенко и сатирическая проза 20–40-х гг. / Л. Ф. Ершов. – Л. : Наука, 1973. – 156 с.
6. Ершов Л. Ф. Сатирические жанры русской советской литературы / Л. Ф. Ершов. – Л. : Наука, 1977. – 284 с.
7. Журбина Е. И. Теория и практика художественно-публицистических жанров : очерк, фельетон / Е. И. Журбина. – М. : Мысль, 1969. – 400 с.
8. Зощенко М. М. Рассказы и фельетоны 1922–1945 : Сентиментальные повести / М. М. Зощенко. – М. : ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2003. – 699 с.
9. Ильф до Ильфа и Петрова / [вступ. статья и публикация А. Ильф] // Вопросы литературы. – 2004. – № 1. – С. 262–332.
10. Ильф и Петров в журнале "Чудак" / [вступ. заметка, публ. и комментарии А. Ильф] // Вопросы литературы. – 2007. – № 6. – С. 261–312.
11. Ильф И., Петров Е. Полное собрание в одном томе / И. Ильф, Е. Петров. – М. : АЛЬФА-КНИГА, 2009. – 1280 с.
12. Кольцов М. Избранные произведения : [в 3-х т.]. / М. Кольцов. – М. : Гос. изд-во худ. литературы, 1957. – Т. 1 : фельетоны и очерки. – 596 с.
13. Кольцов М. Писатель в газете : выступления, статьи, заметки / М. Кольцов. – М. : Советский писатель, 1961. – 140 с.
14. Кривошейкина М. С. Жанр фельетона в журналистском творчестве М. А. Булгакова : период работы в газетах "Гудок" и "Накануне" : автореф. дисс. ... к. филол. н. : 10.01.10 "Журналистика" / М. С. Кривошейкина. – Тверь, 2004. – 18 с.

15. Лакшин В. О прозе Михаила Булгакова и о нем самом / В. Лакшин // Собрание сочинений : [в 3-х т.]. – М. : Гелиос, 2004. – Т. 1 : литературно-критические статьи. – С. 399–457.
16. Лурье Я. С. В краю непуганых идиотов : Книга об Ильфе и Петрове / Я. С. Лурье. – СПб : ЕУСПБ, 2005. – 236 с.
17. Степанов Н. Сатира Михаила Булгакова в контексте русской сатиры XIX – I половины XX веков / Н. Степанов. – Винница, 1999. – 281 с.
18. Стрельцов Б. В. Фельетон : теория и практика жанра / Б. В. Стрельцов. – Минск, 1983. – 64 с.
19. Толутанова Ю. Н. Советская сатирическая публицистика М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова двадцатых – первой половины тридцатых годов : дисс. ... к. филол. н. : 10.01.10 "Журналистика" / Ю. Н. Толутанова. – М., 2005. – 232 с.

#### **Аннотация**

В статье освещается морально-этическая проблематика русского фельетона метрополии 1920-х – начала 1930-х годов. На материале произведений М. Зощенко, М. Булгакова, В. Катаева, М. Кольцова, И. Ильфа, Е. Петрова раскрываются особенности писательской рецепции данного вопроса. Автор акцентирует связь этики и социальных аспектов жизни советского человека. Духовная ограниченность, высокомерие, подхалимство, равнодушие являются отражением обывательщины, мещанства, бытовой неустроенности, бюрократизма.

**Ключевые слова:** фельетон, моральные ценности, общество, мещанство, бюрократизм, духовная ограниченность, равнодушие.

#### **Анотація**

У статті висвітлюється морально-етична проблематика російського фейлетону метрополії 1920-х – початку 1930-х років. На матеріалі творів М. Зощенка, М. Булгакова, В. Катаєва, М. Кольцова, І. Ільфа, Є. Петрова розкриваються особливості письменницької рецепції даного питання. Автор акцентує зв'язок етики та соціальних аспектів життя радянської людини. Духовна обмеженість, зарозумілість, підлабузництво, байдужість є відображенням обивательщини, міщанства, побутової невлаштованості, бюрократизму.

**Ключові слова:** фейлетон, моральні цінності, суспільство, міщанство, бюрократизм, духовна обмеженість, байдужість.

#### **Summary**

The article highlights moral and ethic issues of Russian feuilleton of the metropolis in 1920th – early 1930th. Analyzing M. Zoschenko's, M. Bulgakov's, V. Kataev's, M. Koltsov's, I. Ilf's, E. Petrov's texts, the author reveals the peculiarities of writers' reception of this question. Also, the author accents connection of ethics and social aspects of Soviet person's life. Spiritual limitedness, haughtiness, flattery, indifference are the reflection of philistine morals, lack of culture, domestic unsettledness, bureaucracy.

**Keywords:** feuilleton, moral values, society, philistine morals, bureaucracy, spiritual limitedness, indifference.